
ИДЕНТИЧНОСТЬ В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ

УДК 39+314.747

DOI: 10.33876/2311-0546/2026-1/35-47

Научная статья

© *М. С. Михалев*

МЕЖДУ РОДИНОЙ И ОТЕЧЕСТВОМ: СУДЬБЫ И ЖИЗНИ САХАЛИНСКИХ КОРЕЙЦЕВ

Сахалинские корейцы являются уникальной, обособленной группой корейского народа, судьба которой тесно связана с историей России и историей Японии. Оказавшись на территории СССР по итогам Второй мировой войны, корейцы Сахалина долгое время мечтали вернуться на свою историческую родину, в Южную Корею. После того как переезд стал возможным в начале 90-х годов прошлого столетия, часть сахалинских корейцев смогли сделать это по программе репатриации. Многие из них, однако, вскоре возвратились на Сахалин. В статье анализируется совокупность факторов, способствовавших их обратной репатриации. Делается вывод о том, что на решение вернуться в Россию повлияли холодный прием в Южной Корее, лучшие возможности для экономической и политической самореализации на Сахалине, а также изменившаяся система ценностей сахалинских корейцев, в которой Родиной стало место, где проживают потомки, а не место, где захоронены предки.

Ключевые слова: *корейцы Сахалина, Южная Корея, репатриация, трансграничные народы, родина*

Ссылка при цитировании: *Михалев М. С. Между Родиной и Отечеством: судьбы и жизни сахалинских корейцев // Вестник антропологии. 2026. № 1. С. 35–47.*

UDC: 39+314.747

DOI: 10.33876/2311-0546/2026-1/35-47

Original article

© *Maxim Mikhalev*

BETWEEN MOTHERLAND AND FATHERLAND: BIOGRAPHIES AND LIVES OF THE SAKHALIN KOREANS

Sakhalin Koreans are a unique, isolated group of Korean people, historically connected to both Japan and Russia. Since they found themselves on the territory of the Soviet

Михалев Максим Сергеевич — д. и. н., профессор Учебно-научного центра социальной антропологии, Российский государственный гуманитарный университет (Российская Федерация, 125047 Москва, Миусская пл., д. 6, ст. 1). Эл. почта: maxmikhalev@yahoo.com ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-5695-6915>

* Статья подготовлена в рамках реализации Программы фундаментальных и прикладных научных исследований «Этнокультурное многообразие российского общества и укрепление общероссийской идентичности» 2023–2025 гг. Проект «Трансграничные народы Сибири и Дальнего Востока в составе России: истории успеха как фактор “мягкой силы”».

Union in the aftermath of WWII, they dream was that of returning to their Fatherland of South Korea. As it became possible in 1990s, many of Sakhalin Koreans repatriated to their homeland, but some of those repatriates later chose to come back to Sakhalin seen by them as their Motherland. This paper explores the reasons behind their unexpected choice and concludes that those include cold reception in South Korea, better chance of political and economic self-realization in post-Soviet Russia and changes in value system. For Sakhalin Koreans, unlike for those in South Korea, motherland rather meant place where their children were, not their parents.

Keywords: *Sakhalin Koreans, South Korea, repatriation, transborder people, motherland*

Author Info: Mikhalev, Maxim S. — Dr. in History, Full Professor, Russian State University for the Humanities (Moscow, Russian Federation). E-mail: maxmikhalev@yahoo.com ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-5695-6915>

For citation: Mikhalev, M. S. 2026. Between Motherland and Fatherland: Biographies and Lives of the Sakhalin Koreans. *Herald of Anthropology (Vestnik Antropologii)* 1: 35–47.

Funding: The article was prepared within the framework of the Program of Scientific research on the ethnocultural diversity of Russian society and aimed at strengthening Russian identity in 2023–2025 (headed by Academician of the Russian Academy of Sciences Valery Tishkov). The project “Cross-border Ethnic Groups of Siberia and the Far East within Russia: Success Stories as a Factor of ‘Soft Power’”.

Принято полагать, что народы стремятся к созданию собственных национальных государств, так как это позволяет им лучше сохранить свою культуру, образ жизни и язык, а вместе с этим и гарантировать себе доступ к политическим и экономическим ресурсам, что оказывается намного более сложным в составе инационального государства (Геллнер 1991). Действительность, конечно же, многограннее, и зачастую выходит так, что существование в рамках «чужого» государства оказывается перспективнее, в том числе и с точки зрения сохранения традиционной культуры. Последняя в данном случае выступает защитным щитом от ассимиляции со стороны более крупного народа и потому не кладется самими же ее носителями на алтарь модернизации, а бережно пестуется и лелеется (Михалев 2023: 161). Даже исчезновение родного языка из бытового обихода в этом случае не становится столь критичным, как этого принято опасаться, ведь мечта о его неизбежном возрождении оказывается не менее важной для выживания народа, чем его фактическое использование в быту. Лучшим доказательством данного тезиса могут служить судьбы классических диаспор, таких как армянская или еврейская, которые, несмотря, а скорее благодаря, серьезному давлению со стороны принимающих сообществ и, во многих случаях, утрате языка и других особенностей традиционной культуры, сохраняют и самосознание, и внутреннюю сплоченность, и идентичность.

Советская национальная политика, на первых порах поощрявшая этническое многообразие и многое предпринимавшая для его фактического развития, в дальнейшем все больше стремилась его нивелировать. Подобная смена акцентов обосновывалась намерением построить общество нового типа, в рамках которого общегражданская по своей сути, «советская идентичность» должна была полностью преодолеть любые на-

циональные отличия (Советская этнография 2023: 70). Рост недовольства, вызванный реализацией такой политики, выплеснулся наружу как в процессе, так и после фактического распада СССР, и привел в том числе к исходу из страны национальных меньшинств после появления у людей возможности свободного выбора места жительства и гражданства. Вызванный во многом экономическими и социальными причинами, в том числе резким падением уровня жизни, политической нестабильностью, разгулом преступности и исчезновением государственной поддержки, этот исход на рубеже 80–90 гг. прошлого века привел к возникновению такого явления, как воссоединение с исторической родиной. Немцы устремились в Германию, евреи репатриировались в Израиль, японцы возвращались в Японию. Схожие процессы происходили и внутри постсоветского пространства: русские переезжали в Россию из Казахстана и бывших среднеазиатских республик, армяне, хотя и не по своей воле, бежали из Азербайджана в Армению. Безусловно, решающим здесь оказывались экономический фактор и фактор безопасности, массовые миграции наблюдались в основном из менее развитых экономически и менее стабильных политически стран в страны, которые являлись или, по крайней мере, виделись как более развитые и стабильные. Однако ирредентистские настроения также не стоит полностью сбрасывать со счетов.

Сами по себе эти процессы в целом можно считать естественными, однако постсоветская история знала также и исключения из правил, и даже обратные явления. Ситуация с немцами Казахстана — один из примеров неоднозначности стремления к стабильной и обеспеченной жизни в рамках собственного национального государства (3000 уехавших 2014). Ситуация с корейцами Сахалина — возможно, еще более характерная иллюстрация этой обратной тенденции, однако она вплоть до настоящего времени не получила должного освещения. О том, как обретя право на возвращение на свою историческую родину бывшие жители южной части Корейского полуострова отправились в страну своей мечты и почему многие из них спустя некоторое время вернулись на Сахалин, разочаровавшись в реалиях своего национального государства, и пойдет речь в данной статье. Нашей целью будет понять, какой именно фактор или совокупность факторов оказались ключевыми в их решении вернуться в Россию несмотря на то, что возвращение в Корею оставалось на протяжении многих десятилетий их мечтой.

Отвергнутые

Сахалинские корейцы являются уникальной, обособленной группой корейского народа и по некоторым параметрам принципиально отличаются от других фрагментов корё-сарам постсоветского пространства. Связано это с тем, что южная часть острова Сахалин в 1905–1945 гг. входила в состав Японской империи, в которую в 1910–1945 гг. входила и территория Корейского полуострова. Таким образом, история формирования корейского населения Сахалина оказалась связанной не столько с историей России или СССР, сколько с историей Японии и, как следствие, определялась именно ее особенностями. Этот факт продолжает оказывать самое серьезное влияние на этнические и социальные процессы в среде сахалинских корейцев вплоть до настоящего времени.

Несмотря на то что в советский период существовал негласный запрет на исследование данной этнолокальной группы корейского народа (Дин 2015: 12), смягчение идеологического контроля и открытие части архивов позволило ученым вплотную за-

няться данной темой уже в конце 80-х годов прошлого столетия, и в настоящее время недостатка материалов по этому вопросу не ощущается. В одном из самых подробных исследований, посвященных корейцам Сахалина, которое вышло из-под пера сахалинского исследователя Юлии Дин, приводится подробная историография вопроса (Дин 2015: 9–49). Что очень важно, она включает в себя в т. ч. работы японских и корейских авторов, над которыми не довели столь сильные идеологические запреты, и которые также посвятили сахалинским корейским значительное число работ. Несмотря на то что история формирования и развития корейской диаспоры на Сахалине в японское, советское и постсоветское время, ее структура, нынешнее состояние, а также история репатриации в Южную Корею таким образом изучены подробно, явление обратного переезда пока остается вне внимания отечественных и зарубежных исследователей. Они, безусловно, осведомлены о многочисленных фактах возвращения сахалинских корейцев из Южной Кореи обратно в Россию, однако пока не считают это явление тенденцией, и потому оно не становится пока предметом их научной рефлексии. Нам, в свою очередь, представляется, что несмотря на то, что остающихся в Южной Корее больше, чем возвращающихся, последних все же достаточно много для того, чтобы считать этот процесс тенденцией и попытаться его осмыслить.

Корейская диаспора Сахалина, играющая значительную роль в экономической и социальной жизни острова, по своему составу и по характеру неоднородна. Историк А. Т. Кузин выделяет, по крайней мере, пять групп, каждая из которых имеет собственную историю формирования и культурно-языковые особенности. Это: 1) потомки корейцев, проживавших на Сахалине до того, как тот стал частью Японского государства; 2) корейцы, завезенные японцами для работы на промышленных и инфраструктурных объектах губернаторства Карафутто; 3) корейцы, являющиеся потомками граждан КНДР, завезенных уже советскими властями после Второй мировой войны для работы на промышленных и инфраструктурных объектах советского Сахалина; 4) корейцы, вернувшиеся или перемещенные на Сахалин из Средней Азии и Казахстана после окончания Второй мировой войны; 5) корейцы, оказавшиеся на Сахалине уже в конце XX — начале XXI вв. по различным причинам (Кузин 2006: 30–31). Нас в контексте данного исследования будет интересовать лишь самая многочисленная, вторая в данном списке группа корейцев Сахалина по той причине, что именно они в течение многих лет добивались и в конце концов добились возвращения на свою историческую родину по программе репатриации, и именно они являются теми, кто в настоящее время возвращается в Россию из Южной Кореи.

К тому времени, когда Сахалин был, по итогам Второй мировой войны, возвращен в состав СССР, в южной части острова, находившейся до того в течение сорока лет в составе Японии, проживало примерно 23 500 корейцев (Кузин 2010а: 75). Столь точная цифра вряд ли уместна, впрочем, ибо реального учета по национальному признаку в то время не производилось, многие корейцы брали себе японские имена по принуждению или в стремлении улучшить свои условия жизни во времена Карафутто, в то время как после присоединения южной части острова многие японцы в свою очередь брали себе корейские имена для того, чтобы избежать преследований и облегчить себе жизнь уже на советском Сахалине. Несмотря на традиционную вражду между этими двумя дальневосточными народами, между отдельными их представителями заключалось и существенное число межнациональных браков, что приводит к еще большей путанице в подсчетах.

В любом случае, сама по себе эта группа так же неоднородна. С одной стороны, в нее входили корейцы, отправившиеся на Карафуто добровольно в условиях тотального обнищания своей собственной родины в надежде заработать на жизнь на территории бурно развивающейся японской колонии. Как правило, их надежды оказывались призрачными, однако, несмотря на это, они перевозили сюда и свои семьи (Дин 2013: 36), а часть из переселенцев действительно добивались успеха. С другой стороны, с конца 30-х годов XX в. на Сахалин стали прибывать корейцы, которых японские власти в условиях войны сначала наполовину добровольно, а затем уже и полностью насильственно мобилизовывали для работы на промышленных и инфраструктурных объектах острова. Речь о добровольности в их отношении уже не шла, семьи их оставались в Корее и свое появление на Сахалине они рассматривали как личную трагедию, надеясь как можно скорее вернуться на родину.

Казалось, что их мечтам было суждено осуществиться вскоре после драматических событий 1945 г., когда южный Сахалин был освобожден советскими войсками, и в соответствии с Потсдамской декларацией, все граждане Японии, оказавшиеся на территории СССР, должны были вернуться на свою родину. Случилось, однако, непредвиденное, и о корейцах, живших и работавших на Сахалине, попросту забыли. Причем забыли все вовлеченные в ситуацию стороны. Историки до сих пор спорят о том, чья именно в этом была вина — Японии, Кореи, США или СССР (Кузин 2010б; Бок Зи Коу 1993; Дин 2015). Однако главным здесь следует признать то, что в конечном итоге репатриация граждан Японии осуществлялась по национальному признаку. Этнические японцы, а также айны, которых советское правительство к ним приравнило, совместными советско-американскими усилиями доставлялись на Хоккайдо, бывшим же гражданам Японской империи, которые по национальности являлись корейцами, в таком праве было отказано. Япония не соглашалась их принимать на том основании, что Корея к тому времени получила независимость, у самой же Кореи проблем было так много, что на своих соотечественников, оказавшихся на территории СССР, она попросту не обращала внимания. Соединенные Штаты Америки также не проявили заинтересованности в возвращении корейцев на их родину (Дин 2015: 105).

Утверждение о том, что в пребывании корейцев на Сахалине был заинтересован СССР, нам представляется спорным (Дин 2015: 98). Для Москвы, 23 000 человек, не владевших русским языком и чувствовавших себя хотя и обманутыми, но при этом все-таки гражданами *другой* страны и поначалу отказавшихся иметь какие-либо дела с советским государством, стали нежеланным подарком, распорядиться которым Советскому Союзу было не так-то просто. Все попытки интегрировать корейское население в советскую действительность оказывались тщетными, хотя правительство мастерски применяло и кнут, и пряник, то поощряя развитие языка и культуры через открытие корейских школ, театров и СМИ, то снова их закрывая и лишая корейское население базовых прав вплоть до ограничения свободы передвижения. Несмотря на все сложности, связанные с пребыванием в статусе апатридов, а также активную пропагандистскую деятельность Северной Кореи, явно и неявно вербовавшей корейцев Сахалина, бывшие подданные Японской империи настойчиво требовали возврата именно в Японию, а уже оттуда в Корею Южную. Они отказывались от советского гражданства (Кузин 2010а: 76) и терпеливо ждали обещанной репатриации, глядя в море в ожидании парохода, который увезет их с оказавшегося для них «ловушкой для осьминога» острова. Сахалин, в итоге, так и не стал им настоящим

домом, а возвращение в Южную Корею превратилось в навязчивую идею, позволявшую сносить временные трудности и жить в своем собственном, изолированном мире, почти не пересекаясь с миром советским. Лишь к середине 80-х годов XX в. корейцы стали постепенно интегрироваться в советское государство, да и то под влиянием детей, для которых Сахалин был уже в полном смысле этого слова домом, а Корея — почти мифической страной из рассказов родителей.

Довольно неожиданно именно в это время их мечты получили возможность осуществиться. Связано это было с кардинальными изменениями в самом СССР, которые затронули как внутреннюю, так и внешнюю политику страны. С одной стороны, демократизация общественной жизни и подъем национальных движений на всей территории Советского Союза означали для членов корейской диаспоры возможность создавать свои собственные общественные организации и таким образом сохранять культуру и язык, при этом претендуя еще и на получение больших политических прав. С другой, — разрядка, наступившая в мировой политике, а также процессы демократизации уже в Южной Корее привели к возобновлению контактов, а в конце концов и к установлению в 1991 г. дипломатических отношений между Москвой и Сеулом, что впервые за почти полвека давало сахалинским корейцам шанс вернуться на историческую родину. К счастью для них, в позиции Японии, которая до того отказывалась нести какую-либо ответственность за ситуацию, сложившуюся с ее бывшими подданными, также произошли изменения, и Токио согласился профинансировать проект возвращения сахалинских корейцев в Южную Корею. Все это в совокупности запустило процесс репатриации, который, как считается, начался в 1992 г. и который с разной степенью интенсивности продолжается вплоть до настоящего времени.

Вопреки ожиданиям, первоначально количество репатриантов было не так велико, как можно было бы предположить, учитывая сильное желание сахалинских корейцев вернуться на родину, стремительно ухудшавшуюся экономическую и политическую ситуацию в России, а также столь же стремительный экономический рост в Южной Корее. Последняя практически на глазах трансформировалась из полукOLONиальной страны третьего мира во флагмана мирового экономического развития, что не замедлило сказаться на облике ее городов и уровне жизни ее граждан. Корейцы, уезжавшие в середине прошлого века на заработки в далекие северные земли от безнадежности и бедности, возвращались, уже на его исходе, в процветающее индустриальное государство с хорошо налаженной системой социальной защиты, которое было готово принять своих бывших граждан и окружить их заботой, хотя бы и за японские деньги. Недалеко от Сеула, в г. Ансен для них был построен специальный квартал, в других городах страны «сахалинцев» также размещали со всеми удобствами. В помощь прибывшим выделялись социальные работники, они получали пособие и доступ к передовому медицинскому обслуживанию. Существовали, впрочем, и досадные ограничения. Так, репатриации подлежали только корейцы, родившиеся до 15 августа 1945 г. даже в том случае, если члены их семей, родившиеся позже этой даты, также были корейцами; переезд детей и внуков был невозможен, квартиры выдавались в пожизненное пользование, но не в собственность; желание работать приводило к лишению пособий. Ситуация изменилась лишь в 2008 г., когда была разрешена репатриация корейских семей, где один из супругов является представителем первого поколения, а другой — второго поколения, а также их детям-ин-

валидам. Как до этого решения, так и после сахалинские корейцы боролись за свои права, иногда устраивая митинги прямо возле здания парламента Южной Кореи.

Несмотря на отсутствие точных данных, считается, что в совокупности приблизительно 4 000 человек (Дин 2015; Пак 2016) воспользовались программой переселения и вернулись в Южную Корею после многих лет жизни на Сахалине, который так и не стал для них настоящей родиной. Программа продолжает свою работу и сейчас, и ежегодно на Корейский полуостров отправляются новые партии переселенцев, среди которых, однако, большинство составляют уже потомки мигрантов на Карафуте, так называемые представители второго и третьего поколений, которых вряд ли можно рассматривать как возвращающихся на историческую родину в первоначальном значении этого слова. Скорее, речь в этом случае идет о трудовой, экономической миграции, основной движущей силой которой является желание улучшить свое материальное положение, используя для этого происхождение. Казалось бы, что на этом месте в долгой истории сахалинских корейцев и их тоске по Родине можно было бы поставить точку, однако в реальности она оказалась незаконченной. Все возрастающее число репатриантов первой волны, всю свою сознательную жизнь мечтавших о возвращении на историческую родину и обретших на излете жизни эту возможность, возвращаются на Сахалин, который никогда не воспринимался ими как настоящий дом. Теперь оказалось, что родина для них была и остается именно на этом северном острове. В чем причина таких решений и почему корейцы возвращаются в Россию, мы попытались выяснить в ходе экспедиции на Сахалин, прошедшей в июне 2024 г., для чего встретились как с самими возвращенцами, так и с их родственниками и друзьями.

Холодный прием

Как в случае с переездом на местожительство в Корею, так и в случае с обратным возвращением на Сахалин значение имеют не только просчеты и достижения российской стороны или опыт сосуществования корейцев и русского населения острова в период до 1991 г. и после распада СССР. Не менее важной является позиция корейских, а иногда и японских властей, а также отношение жителей Южной Кореи к своим вернувшимся соотечественникам. Как в этой связи подчеркивают многие информанты, именно тот прием, который был им оказан на исторической родине, а также то, какой она им увиделась после долгожданного переезда, и предопределило их последующее решение о возвращении в Россию (ПМА 2024).

Как оказалось, за время пребывания на Сахалине они, возможно, сами того не желая, сильно изменились — частично под влиянием политики советских властей, частично благодаря тесному общению с русским населением и просто в силу специфики исторических процессов. Изменилась и сама Корея, которая многим после долгих лет разлуки показалась откровенно чуждой. В этой связи информантами, как правило, упоминается всепроникающий дух капитализма и влияние американской культуры. Именно они, как утверждается, привели к эрозии и трансформации многих важнейших элементов, свойственных традиционной культуре корейцев, таких как, к примеру, соседская и родственная солидарность, приоритет социального над экономическим и верность заветам предков. Современные южнокорейцы показали прибывшим с Сахалина, с одной стороны, «мягкотельными», не приспособленными к

жизни неженками, с другой же — хитрыми и коварными дельцами, способными на любое нечестное поведение ради получения прибыли. «Они как японцы, или китайцы, или американцы — просто другая нация, не похожая на нас», резюмировали в итоге многие корейцы, прибывшие с Сахалина (Пак 2016).

Они с удивлением обнаружили, что в той далекой ссылке, какой им виделся Сахалин, они сохранили традиции взаимопомощи и многие другие черты своего исконного образа жизни намного лучше, чем это сделали жители Южной Кореи. Перед последними, как оказалось, не стояла проблема сохранения своей традиционной культуры в иноязычном окружении и по этой причине они относительно легко жертвовали ею ради целей ускоренного экономического развития. Не понравились сахалинским корейцам ни подчиненный индивидуальному экономическому успеху, изматывающий ритм жизни в Южной Корее, ни технократический характер ее бурно растущих городских агломераций, который резко контрастировал и с тем, к чему они привыкли на Сахалине, а также с тем, как отложилась в памяти их тогда еще доиндустриальная родина. Многие информанты говорили о том, что стариков смущало отсутствие свободы, под которой понималась возможность совершать выезды на природу, свободно ходить в лес или, к примеру, жарить с друзьями шашлык на свежем воздухе (ПИМА 2024). Не было возможности в Южной Корее завести приусадебный участок в том понимании, как это было принято в СССР или в России. Как оказалось, недостаток свободного пространства сказывался даже на усопших, которых не было возможности захоронить полноценно и которых, как с ужасом отмечали многие сахалинские корейцы, «складывали в штабеля», то есть кремировали.

Политика государства, которое согласилось принять своих бывших соотечественников лишь после поступления денежных средств от Японии, также не вызвала у репатриантов положительных эмоций. Они просто не понимали принципов и правил, в соответствии с которыми в Южной Корее строилась политическая жизнь, и в результате у них почти не было возможности принять в ней полноценное участие. Возникла и обида на то, что, как стало известно репатриантам, с 1960-х годов, сразу после получения выплаты от правительства Японии, которая была потрачена на нужды экономического развития страны, Сеул самоустранился от решения проблем сахалинских корейцев.

Странные условия репатриации, резко контрастировавшие с аналогичной программой, почти одновременно запущенной Японией в отношении своих бывших соотечественников на Сахалине, пожелавших вернуться на родину, также не способствовали политической лояльности прибывавших в Южную Корею корейцев. Они были вынуждены продолжать здесь борьбу за свои права, пикетируя правительственные учреждения в надежде на то, что условия их переезда и пребывания будут пересмотрены. Особое возмущение вызывало у них то, что пожилые люди, в свое время пострадавшие от разделения семей, снова оказались в точно таком же положении. Их дети и внуки, а иногда даже и законные супруги, в том числе и корейской национальности, не могли выехать вместе с ними, так как не соответствовали непонятным критериям, установленным правительством Южной Кореи. Одиноким стариков при этом часто размещали с подселением, и они были вынуждены на склоне своих лет делить жилье с абсолютно чужими им людьми.

Однако самым неприятным сюрпризом для многих сахалинцев оказалось отношение к их судьбе со стороны простых жителей Южной Кореи, включая и их близких род-

ственников. Часть из них отнеслась к репатриантам с видимым недоверием и продолжала воспринимать их как иностранцев, часть же и вовсе не скрывала своего негативного отношения к тому, что правительство выделило им бесплатное жилье и обеспечивает безбедную старость в то время, как местные жители должны для этого трудиться не покладая рук. Не желая принимать во внимание те трудности, что выпали на долю соотечественников на Сахалине, они укоряли их в иждивенчестве. Информанты сообщали о том, что конфликты на этой почве происходили даже между близкими родственниками (ПМА 2024). И если корейцы старшего поколения решали эту проблему просто, изолируя себя в кругу своих сахалинских «собратьев» в том случае, если те жили по соседству, то для более молодых репатриантов она стала неразрешимой. Рассчитывая на то, что в Южной Корее к ним будут относиться как к нуждающимся в поддержке соотечественникам, они к своему сожалению обнаруживали, что требования к ним даже выше, чем требования к остальным иностранцам, а возможности трудоустройства ограничены низкооплачиваемыми и малопрестижными позициями.

Сыграли свою роль и чисто бытовые обстоятельства. Иногда доходило до того, что репатрианты выбрасывали мебель, которую им предоставляло правительство. Медицина, действительно хорошо развитая в Южной Корее, оказалась многим попросту не по карману, а пищевые предпочтения за время жизни на Сахалине, как выяснилось, претерпели существенные изменения. В первые годы жизни на территории СССР одной из самых больших проблем для корейцев было отсутствие риса. После же возвращения на родину тот же уровень стресса вызывало у них отсутствие уже в Южной Корее хлеба и других продуктов, таких как сельдь, сливочное масло и колбаса, характерных для русской кухни (Егорова 2009). Любопытно, что для многих объектом гастрономической ностальгии оказался огромный сахалинский лопух, или, точнее, белокопытник японский, который стал своеобразным символом особой кулинарной традиции сахалинских корейцев. Освоившие в свое время его приготовление в условиях дефицита привычных пищевых продуктов на Сахалине, они так привыкли к его вкусу, что отсутствие лопухов в Южной Корее стало восприниматься ими как утрата чего-то важного и родного.

Все вышеуказанные проблемы, впрочем, вряд ли бы перевесили радость от воссоединения с Родиной в том случае, если бы корейцы Сахалина не обнаружили, что за пятьдесят лет жизни на российском Дальнем Востоке в их картине мира и в их системе ценностей произошли очень значительные изменения. Значительные настолько, что российский остров оказался для них ближе, чем та земля, о воссоединении с которой они столь долго мечтали.

Гендерный фактор

Родина там, где дети, а наши дети остались на Сахалине, так ныне многие информанты объясняют свое возвращение обратно в Россию. Репатриация привела к тому, что семьи снова оказались разделенными, и эта трагедия не должна повториться, утверждают как те представители первого поколения, кто уже вернулся из Южной Кореи, так и те представители второго поколения, что принимали решение за них и перевозили престарелых родителей обратно на Сахалин без их спроса (ПМА 2024). Не исчезли подобные рассуждения и после того, как был принят закон, по которому им самим, в свою очередь, позволялось, наконец, переехать в Южную Корею вслед за родителями.

Стороной, кому не понравилась уже эта перспектива, оказались представители третьего поколения, то есть внуки тех, кому в свое время Сахалин казался мучительной ссылкой. Удивительно, но в настоящее время во многих случаях именно их голос оказывается решающим, и их родители остаются в России, а бабушки и дедушки возвращаются туда для того, чтобы проводить больше времени вместе с внуками.

Интересно, что возвращаются они не в надежде оказаться окруженными почетом или заботой с их стороны. Скорее, интересы подрастающего поколения, а иногда и просто эгоизм со стороны детей и внуков перевешивает все выгоды от безбедного существования под опекой корейского правительства. Можно сказать, что традиционная конфигурация внутрисемейных связей претерпела в этом случае кардинальное изменение. В корейской семье дети никогда не были объектом почитания, и их интересы никогда не принимались во внимание взрослыми. Наоборот: в культуре, насквозь пропитанной конфуцианской этикой, авторитет старших не просто не подвергался сомнению, но и забота о них являлась тем абсолютным моральным долгом, который определял поведение человека и формировал его жизненные стратегии (Пак 2007: 67). Долг этот не исчезал и со смертью родителей; он в этом случае трансформировался и состоял уже не в уходе за живыми, а в заботе о памяти и захоронениях усопших. Почитание предков оставалось главной обязанностью любого взрослого корейца, а невозможность исполнить этот долг воспринималась им как вина и как трагедия.

Именно невозможность выполнить в полной мере свои обязательства перед родителями и являлась причиной самых тяжелых моральных страданий для тех корейцев, что оказались разлученными с родиной, надолго задержавшись на Сахалине. Именно желание исполнить свой долг не позволяло им принять советское гражданство, а потребность в воссоединении с родителями, живыми или уже усопшими, двигала ими тогда, когда они принимали решение бросить насиженные места и репатрироваться в Южную Корею. Долг этот обычно называется сыновним, и не случайно, что среди первых репатриантов было так много мужчин, которые спешили, пока это позволяло им здоровье, вернуться в свое *Отечество*, к своим предкам или их могилам для того, чтобы воздать им необходимые почести, хотя и с запозданием. Воспитанные в духе традиционной корейской культуры, они в этой ситуации почти не думали о своих детях, оставшихся в России, ведь для них Родина была там, где были их родители.

Несколько иные чувства испытывали пожилые женщины, которых репатриация разлучала уже с их собственными детьми и внуками. *Корейские бабушки такие же, как и русские*, с теплотой в голосе сообщают информанты, тем самым подразумевая, что для корейских женщин, проведших большую часть своей жизни в России, интересы детей и внуков оказываются превыше их долга перед родителями. Врожденное ли материнское чувство тому виной, или это сказалось влияние русской культуры, в рамках которой интересы детей и внуков выше интересов родителей, но для тех пожилых женщин, что уезжали со своими мужьями или же в одиночку в Южную Корею, Родина, в конечном итоге, оказалась не там, где были похоронены их родители, а там, где оставались их потомки. И в этом смысле не случайно, что возвращались и возвращаются на Сахалин в основном бабушки, в то время как дедушки предпочитают оставаться в Корее независимо от того, насколько тяжела для них оказывается жизнь в непривычных условиях.

С другой стороны, подобный гендерный перекос объясняется еще и особенностями постсоветского развития Сахалина. Большая часть профессий, которыми

традиционно занимались мужчины, включая работу в сельском хозяйстве, на строительных объектах или в добывающей промышленности, после распада СССР оказались либо низкооплачиваемыми, либо вовсе невостребованными по мере того, как в стране нарастали процессы деиндустриализации. Параллельно с этим росли доходы от торговой деятельности — иными словами, в той сфере, где исторически были заняты, скорее, корейские женщины. В результате, именно они превратились в добытчиков и стали формировать доходную часть семейных бюджетов, что не замедлило сказаться на их социальном положении. *У корейцев матриархат*, уверяют сегодня русские Южно-Сахалинска, *здесь всем управляют бабушки, которые являются лидерами местных кланов* (ПМА 2024). *Мой бог — это моя мама*, вторит им авторитетный корейский бизнесмен, мать которого вернулась на Сахалин из Южной Кореи (ПМА 2024). Все это резко контрастирует с традиционным балансом власти в корейских семьях, в которых были воспитаны сами нынешние бабушки и дедушки. Власть мужчины здесь была непререкаемой, женщина занимала подчиненное положение, речи о том, что она является главным авторитетом при принятии решений, быть не могло. Во многом это остается справедливым и для современной Южной Кореи, и в этом смысле возвращение «бабушек» в Россию оказывается оправданным и объяснимым еще и с социологической точки зрения.

Политика и ее отсутствие

Кардинальные изменения в понимании слова «Родина», которое под влиянием русской культуры стало ассоциироваться у сахалинских корейцев с местом проживания детей, а не с местом упокоения родителей, как это было характерно для корейской традиционной культуры, представляется нам ключевым фактором при анализе феномена их возвращения в Россию. Просчеты правительства Южной Кореи при планировании и организации репатриации, а также тот холодный прием, с которым столкнулись те, кто решил переехать на свою историческую родину, также сыграли свою роль. Экономическая эмансипация, достигнутая благодаря либерализации правил ведения бизнеса, в результате чего корейские женщины смогли, используя в том числе и фактор этничности, преуспеть в организации международной торговли и повысить свой социальный статус, также, конечно же, важна. Однако не стоит забывать и о тех особенностях российской внутреннеполитической ситуации, сложившейся после распада СССР, которые, как можно заключить на основе полевых данных, также способствовали принятию решения вернуться на Сахалин.

Свою роль, как оказывается, сыграла политическая либерализация конца 80-х — начала 90-х гг. прошлого столетия, благодаря которой корейцы Сахалина смогли не просто самоорганизоваться и начать отстаивать свои права в рамках российского политического поля, но и проникли в систему управления, получив ряд значимых должностей в структурах областной и местной власти. Как это ни парадоксально, но жизнь на исторической родине такой возможности им не предоставила. Наконец, и это подчеркивали многие респонденты, корейцы Сахалина только в России перестали чувствовать себя гражданами второго сорта, оставаясь в иноязычном окружении, после того как этничность после 1991 г. была постепенно деполитизирована (ПМА 2024). Характерно, но подобного чувства у них не возникло в Южной Корее, где, как им первоначально казалось, они окажутся в среде соотечественников и, по этой причине, единомышленников.

Парадоксально, но получилось так, что только там и тогда, когда государство пустило социальные и национальные процессы на самотек и предоставило этим самым возможность самостоятельно выстраивать стратегии взаимоотношений, связи, основанные на внутриэтнической или межэтнической солидарности и экономической свободе, оказались более крепкими, чем те, что создаются искусственно, финансируются намеренно и акцентируются целенаправленно. И в этом смысле опыт современной Южной Кореи и ее комплексными программами репатриаций по этническому признаку с их жесткой регламентацией, патернализмом и неизбежной в этом случае бюрократией повторяет ошибки Советского Союза. Последний так и не смог «растопить сердца» сахалинских корейцев, которые мечтали покинуть его территорию, несмотря на все те социальные блага, что предоставляло им в тот период государство.

Из уст представителей старшего поколения, которое склонно идеализировать прошлое, часто можно слышать утверждение, что, дескать, Советский Союз дал им все, и именно эта ныне не существующая страна является их настоящей родиной. Однако в свое время они уже отказывались от гражданства этого самого Советского Союза, надеясь при первой же возможности его покинуть, в то время как в постсоветскую Россию, несмотря на все ее социальные и экономические проблемы, они все-таки возвращаются. Возможно, это связано с тем, что именно постсоветская политика в отношении национальных меньшинств, а точнее ее отсутствие на самом раннем этапе развития страны, оказалась намного плодотворнее и привела к тому, что *Родина-мать* оказалась для значительного числа сахалинских корейцев предпочтительнее их же *Отечества*.

Источники и материалы

ПМА — Полевые материалы автора. Экспедиция в гг. Южно-Сахалинск, Холмск, Томари и Корсаков Сахалинской области. Май 2024.

3000 уехавших 2014 — 3000 уехавших на ПМЖ в Германию немцев вернулись в Казахстан за последние два года [Электронный ресурс] // Казинформ. 2014. 19 марта. https://www.inform.kz/ru/3000-uchavshih-na-pmzh-v-germaniyu-nemcev-vernulis-v-kazahstan-za-poslednie-dva-goda_a2640554

Егорова 2009 — Егорова Т. Дорога домой длиною в жизнь // РИА «Сахалин–Курилы». 2009. 20 декабря. <https://sakhvesti.ru/?div=spec&id=1145>

Пак Сын Ы 2016 — Пак Сын Ы. Белые пятна истории сахалинских корейцев [Электронный ресурс] // Корё-сарам. 2016. <https://koryo-saram.site/belye-pyatna-istorii-sahalinskih-korejtssev/>

Научная литература

Бок Зи Коу. Корейцы на Сахалине. Южно-Сахалинск: Сахалинское книжное издательство, 1993. 222 с.

Геллер Э. Нации и национализм. М.: Прогресс, 1991. 320 с.

Дин Ю. И. Миграция корейского этнического населения на южный Сахалин в период японского правления (1905–1945 гг.) // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. 2013. № 4. С. 34–42.

Дин Ю. И. Корейская диаспора Сахалина: проблема репатриации и интеграция в советское и российское общество. Южно-Сахалинск: Сахалинская областная типография, 2015. 332 с.

Кузин А. Т. Сахалинские корейцы: история и современность (Документы и материалы, 1880–2005). Южно-Сахалинск: Сахалинское областное книжное издательство, 2006. 460 с.

Кузин А. Т. Трансформация гражданского статуса сахалинских корейцев // Власть. 2010а. № 8. С. 75–78.

- Күзин А. Т. Корейцы — бывшие японские подданные в послевоенной советской системе управления на южном Сахалине (1945–1947 гг.) // *Власть и управление на Востоке России*. 2010б. № 3. С. 95–101.
- Михалев М. С. Засечная черта Внутренней Азии: Южная Сибирь и евразийская интеграция. М.: ИКСА РАН, 2023. 296 с.
- Пак Сын Ы. Проблемы сыновней почительности «хё» у сахалинской корейской диаспоры // Актуальные проблемы духовно-нравственного воспитания детей и молодежи: материалы региональной научно-практической конференции 25–26 мая 2006 г. Южно-Сахалинск. 2007. С. 63–67.
- Советская этнография в истории государственного строительства и национальной политики // Коллективная монография / Отв. ред. М. Ю. Мартынова. М.: ИЭА РАН, 2022. 556 с.

References

- Bok Zi Kou. 1993. *Koreitsy na Sakhaline* [Koreans in Sakhalin]. Yuzhno-Sakhalinsk: Sakhalinskoe knizhnoe izdatel'stvo. 222 p.
- Din, Yu. I. 2013. Migratsiia koreiskogo etnicheskogo naseleniia na yuzhnyi Sakhalin v period yaponskogo pravleniia (1905–1945 gg.) [The Migration of Koreans to South Sakhalin During the Period of Japanese Administration]. *Gumanitarnye issledovaniia v Vostochnoi Sibiri i na Dal'nem Vostoke* 4: 34–42.
- Din, Yu. I. 2015. *Koreiskaia diaspora Sakhalina: problema repatriatsii i integratsiia v sovetskoe i rossiiskoe obshchestvo* [Korean Diaspora of Sakhalin: The Problem of Repatriation and Integration into Soviet and Russian Society]. Yuzhno-Sakhalinsk: Sakhalinskaia oblastnaia tipografiia. 332 p.
- Gellner, E. 1991. *Natsii i natsionalizm* [Nations and Nationalism]. Moscow: Progress. 320 p.
- Kuzin, A. T. 2006. *Sakhalinskie koreitsy: istoriia i sovremennost' (Dokumenty i materialy, 1880–2005)* [Sakhalin Koreans: Past and Present (Documents and Materials, 1880–2005)]. Yuzhno-Sakhalinsk: Sakhalinskoe oblastnoe knizhnoe izdatel'stvo. 460 p.
- Kuzin, A. T. 2010a. Transformatsiia grazhdanskogo statusa sakhalinskikh koreitsev [Transformation of Sakhalin Koreans' Civil Status]. *Vlast'* 8: 75–78.
- Kuzin, A. T. 2010b. Koreitsy — byvschie yaponskie poddannye v poslevoennoi sovetskoi sisteme upravleniia na yuzhnom Sakhaline (1945–1947 gg.) [Koreans as Former Japanese Subjects in Post-War Soviet Administration System in Southern Sakhalin (1945–1947)]. *Vlast' i upravlenie na Vostoke Rossii* 3: 95–101.
- Martynova, M. Yu. (ed.). 2022. *Sovetskaia etnografiia v istorii gosudarstvennogo stroitel'stva i natsional'noi politiki* [Soviet Ethnography in the History of State Building and National Policy]. Moscow: IEA RAN. 556 p.
- Mikhalev, M. S. 2023. *Zasechnaia cherta Vnutrennei Azii: Yuzhnaia Sibir' i evraziiskaia integratsiia* [Zaseka of Inner Asia: Southern Siberia in Eurasian Integration]. Moscow: ИКСА РАН. 296 p.
- Pak Syn Y. 2007. Problemy synovnei pochtitel'nosti «hio» u sakhalinskoii koreiskoi diaspori [Problems of Filial Piety «Hè» in Sakhalin Korean Diaspora]. In *Aktual'nye problemy dukhovno-nravstvennogo vospitaniia detei i molodezhi: materialy regional'noi nauchno-prakticheskoi konferentsii 25–26 maia 2006 g. Yuzhno-Sakhalinsk* [Current Issues of Moral Education of Children and Youth: Proceedings of the Regional Scientific and Practical Conference, May 25–26, 2006, Yuzhno-Sakhalinsk]. 63–67.